Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 2. С. 39–51.
Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2025;10(2):39-51.

Научная статья

УДК 304.42

DOI: 10.47475/2542-0275-2025-10-2-39-51

ХУДЛИТ В ЭПОХУ «КНИЖНОГО ДЕФИЦИТА» В СССР: КРИТЕРИИ ПОПУЛЯРНОСТИ И АСПЕКТЫ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ

Вячеслав Витальевич Касьянов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, bugskull@yandex.ru, SPIN-код: 2092-3223

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор популярных литературных жанров и некоторых аспектов издательской политики в Советском Союзе в период между оттепелью и распадом СССР. Распад советской идеологии начался за несколько лет до фактического распада СССР в 1991 г., поэтому в определенном смысле период после 1988 г. уже можно считать постсоветским. В статье не рассматриваются нехудожественная литература (нон-фикшн), запрещенные или официально не издававшиеся книги и такое тесно связанное с ними явление, как самиздат. Наибольшую популярность в СССР в рассматриваемый период имела «жанровая» литература, в частности исторические, приключенческие, детективные, фантастические, биографические произведения, а также детская литература, произведения диссидентов и «неблагонадежных» авторов, публиковавшиеся небольшими тиражами, произведения крупных зарубежных авторов (в особенности XX в.), чьи имена были на слуху, и произведения, которые были экранизированы (особой популярностью пользовались книги, экранизированные в СССР). Рассматриваются «макулатурные» и подписные издания, некоторые принципы выбора произведений для публикации, а также продажи и обмена книг. Отдельный раздел посвящен феномену литературных журналов, популярность которых может служить доказательством известного утверждения об СССР как о «самой читающей стране». Анализируются причины такого специфически советского явления, как «книжный дефицит», который имел место, несмотря на значительные тиражи художественных изданий. При этом понятие «дефицита» распространялось лишь на определенные наименования книг, которые считались «статусным» продуктом с высокой меновой стоимостью.

Ключевые слова: издательская политика, «макулатурные» издания, подписные издания, литературные журналы, оттепель, перестройка

Для цитирования: Касьянов В. В. Худлит в эпоху «книжного дефицита» в СССР: критерии популярности и аспекты издательской политики // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 2. С. 39–51. URL: http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/42-magistra-vitae-2-2025.html. DOI: 10.47475/2542-0275-2025-10-2-39-51.

Original article

POPULAR FICTION IN THE USSR DURING THE “BOOK DEFICIT” PERIOD. POPULARITY CRITERIA AND PUBLISHING POLICY ASPECTS

Viacheslav V. Kasianov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, bugskull@yandex.ru, SPIN-code: 2092-3223

Abstract. The article is an attempt at a brief overview of popular works of fiction and some of the publishing policy aspects in the Soviet Union during the period between the Khrushchev Thaw and the collapse of the Soviet Union. Disintegration of the Soviet ideology predates the actual disintegration of the USSR by several years and, in the author’s opinion, the period after 1988 can be viewed as the initial stage of the post-Soviet period. The article omits non-fiction books, banned books, books that were not published officially and the related phenomenon of “samizdat” (self-publishing). The most popular genres during the period were: history, adventure, detective, science fiction, biopics, as well as children’s books, limited-edition publications of works by dissidents and politically unreliable/disloyal authors, books by prominent foreign authors (especially authors of the 20th century) that were household names in the USSR, and works of fiction made into films (Soviet film adaptations were especially popular). Special

© Касьянов В. В., 2025

attention is given to “makulatura” book series (books that could be obtained in exchange for collected waste paper). The work also analyzes paid subscription series, some principles of book sales, bookcrossing and selection of authors for publication. The work discusses the phenomenon of literary magazines as the author considers that this phenomenon justifies the adage describing the Soviet Union as “the world’s most reading nation”. The work dwells on the factors contributing to the “book deficit”, an expressly Soviet phenomenon which existed in spite of significant print runs. It should be noted that the “book deficit” was not a widespread phenomenon and was only associated with certain authors/categories of books. Due to their popularity — and rarity — such books in the Soviet society were considered to be collection items and “status symbols” that possessed high exchange value.

Keywords: publishing policy, “makulatura” books, subscription editions, literary magazines, the USSR

For citation: Kasianov VV. Popular Fiction in the USSR During the “Book Deficit” Period. Popularity Criteria and Publishing Policy Aspects. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology.* 2025;10(2):39-51. URL: http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/42-magistra-vitae-2-2025.html. DOI: 10.47475/2542-0275-2025-10-2-39-51.

Книга — лучший подарок.
Советская пословица

СССР — самая читающая страна в мире.
Советская пословица[1]

Что читать? Ты попробуй ***достать****!*
Вот тогда я скажу, что ты культурный человек.
Аркадий Хайт «Школьные годы»

Настоящая статья представляет собой краткий анализ критериев популярности художественных произведений в СССР в рамках обзорного исследования. Рассматриваемый временной отрезок (1954–1991 гг.) охватывает несколько важных исторических этапов с четко очерченной хронологией: оттепель, застой, перестройка и последующий распад СССР. При выборе анализируемого периода мы ориентировались на характерное для указанных этапов, при всех их политических и идеологических расхождениях, общее явление — «книжный дефицит», зародившийся вскоре после прихода к власти Н. С. Хрущева.

Мы не ставили задачи подробного анализа издательской политики в СССР в рассматриваемом периоде (на эту тему существует достаточное количество исследований) и ограничились рассмотрением лишь ее некоторых характерных аспектов. Вплоть до начала перестройки государственные издательства в СССР не имели возможности самостоятельно планировать выпуск литературы на основе целевого анализа спроса; издательская политика осуществлялась в соответствии с общими пятилетними планами. Тем не менее читательские предпочтения регулярно обсуждались в периодической печати, и «макулатурный» эксперимент может служить примером ориентации ответственных организаций непосредственно на спрос.

Отечественные научные публикации, посвященные книгоизданию в СССР в указанный период, в своем большинстве не ставят цели объединить оба рассматриваемых предмета. Крупное исследование П. Н. Беркова[2] лишь частично затрагивает оба вопроса в главе «Отдельные личные библиотеки 50–60-х годов». Некоторые аспекты этой темы обсуждались на прошедшей в 2014 г. конференции ИМЛИ РАН «Издательская политика СССР и иностранные писатели в 1920–1960-е годы. Европа, Америка». В 2016 г. ИМЛИ также опубликовал отчет «Иностранные писатели и СССР: неизданные материалы 1920-х — 1960-х годов. Культура и идеология», включающий большое количество работ, некоторые из которых посвящены отдельным аспектам рассматриваемой проблемы[3]. Имеется ряд работ зарубежных исследователей на указанную тему. Большой интерес представляет работа Д. Брайн «Взрослая читательская аудитория в СССР»[4].

[1] Помимо собственно русскоязычных источников, этот постулат упоминается — и не опровергается — в англоязычной Википедии. См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Russian_literature. Британский историк С. Ловелл называет его «мифом»: не с целью опровержения, а в контексте идентификации его как культурного явления [Lovell, 2000, с. 30–31]. См. также раздел «Литературные журналы».

[2] П. Н. Берков. История советского библиофильства (1917–1967). М., 1971.

[3] См.: https://elibrary.ru/item.asp?id=53785945

[4] Brine J. J. Adult readers in the Soviet Union. Ph. D. thesis. Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, 1985.

Возможно, самой исчерпывающей из научных работ является докторская диссертация С. Ловелла [Lovell, 2000], переработанная впоследствии в монографию «Читательская революция в России: издательская культура в советскую и постсоветскую эпоху»[5]. Автор подробно исследует как принципы издательской политики в СССР, включая «макулатурный» эксперимент, так и феномен популярности-непопулярности, однако анализ жанровых и «авторских» предпочтений в его работе не представлен. Теме «макулатурного» эксперимента посвящена работа Б. Б. Пристед [Pristed, 2019]. Работы зарубежных авторов часто отталкиваются от готовых идеологических установок, но при этом они ценны богатым фактическим материалом.

К указанной теме также регулярно обращаются онлайн-ресурсы. Большинство из них не претендуют на научную достоверность, поэтому при цитировании онлайн-источников мы ориентировались на публикации профессиональных историков. Цитаты из интернет-блогов приведены в качестве примеров субъективного мнения их авторов, а из Википедии — как выражение «популярного» мнения, имеющего не столько фактологическую, сколько социологическую и историческую ценность.

В настоящем исследовании проведен анализ «макулатурных» изданий в их совокупности, обзор тиражей советских и постсоветских публикаций, а также осуществлена попытка определения жанровых и «авторских» предпочтений советских читателей. Проведенный анализ позволяет дать достаточно объективную оценку критериев популярности художественных произведений в СССР в рассматриваемом периоде. Материалы о книгах и литературных журналах выделены в самостоятельные разделы.

Книги

В Рунете представлено относительно небольшое количество материалов на тему популярности художественных произведений и нюансов издательской политики в СССР в рассматриваемом периоде. Многим авторам онлайн-публикаций при обращении к советскому прошлому не удается избежать эмоциональных формулировок. Некоторые типичные примеры из сети: *«…дефицитным было практически всё художественное, всё, кроме завалившей склады и прилавки партийно-пропагандистской нуди, с бессчетными разоблачениями империализма, сионизма и прочих вражеских “измов”»*[6]*; «“Мастера и Маргариту” <…> можно было получить только в самиздате и ходя под статьей»*[7]. Советские издания авторов из капстран действительно содержали регулярную оговорку об антибуржуазной и антиимпериалистической направленности произведений, однако «практически всё художественное» дефицитным не было и не могло быть: в любом книжном магазине имелось большое количество художественной литературы, значительная часть которой просто не пользовалась спросом. Что касается «Мастера и Маргариты», то до начала перестройки включительно (1985 г.) этот роман официально издавался в СССР семь раз, а в период с 1986 по 1991 г. (перестройка и распад СССР) еще почти 60 раз. Эмоциональный подход к теме характерен в основном для блогов и исследований публицистической направленности, индексируемые научные публикации в большей степени придерживаются фактологических данных.

Для периода хрущевской оттепели (1954–1964) характерны заметное ослабление цензуры и, как следствие, огромный интерес к произведениям, критически оценивающим режим И. В. Сталина или по-новому раскрывающим жизнь страны и представляющим героев новой формации («Не хлебом единым» В. Д. Дудинцева, «Жестокость» П. Ф. Нилина, «Коллеги» В. П. Аксенова и т. д.). Всплеск подобного интереса не нуждается в объяснении. Однако это было временное явление: с приходом к власти Л. И. Брежнева указанная тема быстро сошла на нет, а крайне актуальный А. И. Солженицын, за повесть «Один день Ивана Денисовича» принятый в Союз писателей СССР и выдвинутый редакцией журнала «Новый мир» на Ленинскую премию, оказался под запретом, что лишь способствовало росту спроса на его произведения на черном рынке.

Книги стали источником новых идей, охвативших общество, а низкие цены (заметное повышение цен на книги и журналы началось лишь во второй половине 1970-х гг.) сделали эти идеи доступными для миллионов советских граждан, у которых появлялись дополнительные средства

[5] Lovell S. The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. Palgrave Macmillan, 2000.

[6] Охота за книгами в СССР: как это было // New Retail. 26.06.2015. URL: https://new-retail.ru/maga-ziny/istoriya/okhota_za_knigami_v_sssr_kak_eto_bylo1237/ (дата обращения: 14.05.2024).

[7] Вакин. Прием макулатуры в обмен на книжные абонементы, 1980-е годы, СССР // Livejournal. 23.01.2018. URL: https://vakin.livejournal.com/2115986.html (дата обращения: 12.05.2024).

на приобретение печатной продукции. Интерес к новой идеологии быстро перерос в моду, приведшую, в свою очередь, к так называемому «книжному голоду», предпосылки которого имелись уже в конце 1950-х гг. Новый феномен успел найти отражение в культуре тех лет. Характерный диалог из киноальманаха «Большой фитиль»: *«Какие книги! Вот этому я завидую!» — «А нельзя иначе. Книга — это что? Лучший подарок! Мода, брат, надо считаться»*[8]. Библиофильство стало показателем «культурности»; покупка книг приравнивалась к своего рода собирательству, публиковались даже соответствующие рекомендации для книголюбов[9]. В 1966 г. была основана газета «Книжное обозрение» — еженедельное издание Госкомиздата, посвященное анализу книжного рынка.

Стоит отметить, что полномасштабного дефицита книг как такового в СССР не было: был дефицит лишь определенных наименований. Некоторые экономические и идеологические причины этого специфически советского явления рассматриваются далее.

В оттепель в литературу пришли многие из лучших советских писателей, популярность которых пережила СССР (в частности, знаменитые шестидесятники): в течение всего периода «книжного дефицита», продолжавшегося вплоть до начала 1990-х гг., лучшие их произведения пользовались повышенным спросом, поскольку были созвучны своему времени и обновляли существовавшие литературные и идеологические шаблоны. Произведения поэтов Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенского, Р. И. Рождественского, Б. Ш. Окуджавы, Б. А. Ахмадулиной, прозаиков В. В. Быкова, Б. Л. Васильева, Ю. В. Бондарева, Г. Я. Бакланова, К. Д. Воробьева (новое звучание военной темы), мастеров «деревенской прозы» и ряда других авторов эпохи никогда не залеживались на полках. Несмотря на запрет романа «Доктор Живаго», продолжали публиковать стихи Б. Л. Пастернака. Написанный на самом излете оттепели роман братьев Стругацких «Трудно быть богом» стал самым известным их произведением; «достать» Стругацких, как и других популярных фантастов, было крайне сложно. Невероятно «котировался» И. А. Ефремов. Роман «Туманность Андромеды» только в течение оттепельного периода издавался не менее пяти раз; роман «Час Быка», впервые опубликованный уже при Брежневе, после негативных отзывов партийного руководства *«продавался на черном рынке за цену, в 10 раз превышающую официальную стоимость»*[10]. Существует точка зрения, что после истории с запретом «Часа Быка» Ефремова в СССР не издавали большими тиражами, однако два миллиона экземпляров «Лезвия бритвы» («макулатурное» издание 1986 г.) ставят под вопрос эту теорию.

Иностранная литература публиковалась в СССР с 1920-х гг. Только в 1950 г. «*было выпущено 595 наименований переводных книг общим тиражом 22,2 миллиона экземпляров (из них 331 название изданий художественной литературы тиражом 16,2 миллиона экземпляров). Переводы осуществлялись с 20 языков»*[11]. В оттепельную эпоху список был значительно расширен: к концу 1950-х гг. тиражи переводной литературы выросли еще в несколько раз. Именно этот период ознаменовался выходом на пик популярности в СССР многих западных классиков XX в.

При Хрущеве была возобновлена антирелигиозная кампания. Процесс частичного примирения государства с церковью, имевший место в период ВОВ и после нее, был поэтапно элиминирован. Атеизм пропагандировался во всех сферах искусства: литературе, кино, даже живописи. «Антиклерикальная» линия оттепели была подхвачена брежневской эпохой, хотя и в менее радикальной степени; происходило это, скорее всего, «по инерции». Продолжилась публикация книг, трактовавшихся как критика церкви: памфлетов столпов французского Просвещения (Вольтер, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и др.), Д. Свифта, тематических произведений советских авторов и авторов стран соцлагеря. В 1970-е и в 1980-е гг. публиковались разнообразные «библиотеки атеиста», включавшие художественные и публицистические произведения[12], многие из которых,

[8] «Большой фитиль» / реж. М. И. Анджапаридзе, Э. Н. Бочаров, С. А. Милькина и др. 1963.

[9] См., например: Осипов В. О. Домашняя библиотека. М., 1959; Осипов В. О. Книга в вашем доме. М., 1967.

[10] Огрызко В. В. Жертва противостояния Андропова Суслову // Независимая газета. 2019. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-08-29/12_995_catedra.html (дата обращения: 25.03.2024).

[11] Гершзон М. М. После Сталина: какую иностранную литературу издавали в СССР? // Regnum. 2017. URL: https://regnum.ru/news/cultura/2274401.html (дата обращения 13.07.2024).

[12] Из публицистики известны, в частности, «Спутник атеиста» и «Настольная книга атеиста», а также журнал «Наука и религия». При этом ежемесячно публиковался «Журнал Московской патриархии» — официальное издание Русской православ-

однако, были «атеистическими» лишь условно. О фактической популярности подобной тематики в СССР судить затруднительно; решающим фактором при покупке, скорее всего, было имя автора.

В постоттепельный период произошла окончательная «кристаллизация» читательских предпочтений советских граждан, поэтому можно без труда выделить жанры, пользовавшиеся повышенным спросом:

1) приключения и детективы;
2) исторические произведения, особенно крупный и «средний» жанр — романы и повести;
3) научная фантастика («фэнтези» в СССР издавали крайне редко); [13]
4) детские книги, опять же крупный и «средний» жанр в особенности, а также сказки;
5) биографические произведения (издаваемые как отдельно, так и в рамках серий: «Жизнь замечательных людей», «Писатели о писателях» и др.).

В случае «авторских» предпочтений жанр как таковой уже не имел определяющего значения. «Котировались», в частности, писатели из следующих категорий:

1) диссиденты и «неблагонадежные»/редко публиковавшиеся авторы (советские и иностранные);
2) современные авторы, произведения которых были экранизированы (советские и иностранные);
3) знаменитые зарубежные авторы XX в.;
4) зарубежная и отечественная классика прошлых веков.

Многочисленные существующие в стране клубы книголюбов в 1974 г. были объединены во Всесоюзное добровольное общество любителей книги (ВОК), существовавшее за счет членских взносов и к 1989 г. насчитывавшее 19 млн членов. Правопреемником этой организации сегодня является Международный союз общественных организаций книголюбов (МСК). На заседаниях ВОК, помимо прочего, реализовывались «дефицитные» книги. ВОК был подчинен ряд «народных» книжных магазинов, открывавшихся на общественных началах. *«Народные книжные оказались одной из форм распределения книжного дефицита при посредничестве ВОК»* [Матвеев, 2018, с. 93].

Начиная со второй половины 1960-х гг. острота социальной полемики на темы советской действительности и культа личности быстро пошла на убыль [14], что оттенялось большим числом публикаций иностранных авторов, «разоблачавших» буржуазию и империализм. Этой универсальной оговоркой снабжались такие разные книги, как «Моби Дик» Г. Мелвилла и «Сто лет одиночества» Г. Маркеса, «Великий Гэтсби» Ф. Фицджеральда и «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, романы Р. Роллана и Ф. Мориака. Равнодушных к идеологии читателей оговорка не привлекала и не отпугивала: зарубежных классиков ценили и покупали совсем по другим причинам. Популярность же собственно «жанровых» произведений в большей степени определялась их «читабельностью», нежели художественными достоинствами: этому критерию отвечали и фантастические книги К. Булычева, и написанная от лица старшеклассника трилогия А. Н. Рыбакова «Приключения Кроша», «Каникулы Кроша», «Неизвестный солдат», и многие романы А. Дюма-отца, и повести А. Линдгрен о Малыше и Карлсоне. Помимо книг А. Линдгрен, огромным спросом пользовались практически любые известные детские произведения как отечественных, так и иностранных авторов, не в последнюю очередь по причине более низкой стоимости изданий. В частности, книги серии «Школьная библиотека» стоили заметно дешевле тех же произведений, изданных вне этой серии.

Исключительно популярен — и в литературе,

ной церкви.

[13] В доперестроечном советском литературоведении известны единичные случаи употребления термина «фэнтези». Вплоть до начала 1990-х гг. обычно использовалось определение «сказочная фантастика». Границы между авторской сказкой и собственно фэнтези достаточно размыты, поэтому судить о популярности «настоящего» фэнтези в доперестроечном СССР сложно. Крупные произведения этого жанра (то есть строго классифицируемые в англоязычных странах как fantasy novel) переводили и издавали редко; среди таких редких примеров — ранние издания Д. Толкиена, которые первое время не пользовались большой популярностью в СССР. Но уже в 1990-е гг. в нашей стране наблюдается всплеск моды на фэнтези. В этой связи интересно высказывание Б. Н. Стругацкого: «Я не люблю фэнтези и не без грусти наблюдаю, как она оттесняет и побеждает классическую фантастику».

[14] Для ряда произведений той эпохи, однако, характерна остросоциальная направленность и психологическая достоверность. В частности, многие советские фильмы эпохи застоя, включая книжные экранизации, своей художественной остротой предвосхищают перестроечный кинематограф («Осенний марафон», «Полеты во сне и наяву», «Отпуск в сентябре», «Мы, нижеподписавшиеся», «Чучело» и др.).

и в кино — был исторический (историко-приключенческий) жанр, одно из самых плодотворных и процветающих направлений в российской словесности XIX и XX вв. Назовем некоторых авторов: Н. М. Карамзин, Г. П. Данилевский, И. И. Лажечников, А. К. Толстой, М. Н. Загоскин, О. Д. Форш, Ю. Н. Тынянов, А. К. Виноградов, И. А. Новиков, В. Г. Ян, А. П. Чапыгин, С. Н. Сергеев-Ценский, А. П. Ладинский, В. С. Пикуль. Талантливые авторы исторических произведений ценились априори, в силу самой принадлежности к жанру; о значимости этого направления говорит то, что к нему охотно обращались многие крупнейшие писатели-реалисты. Из иностранных авторов разных эпох были востребованы А. Дюма-отец, В. Скотт, В. Гюго, Г. Сенкевич, Б. Прус, Р. Джованьоли (популярный роман «Спартак» был единственным произведением автора, опубликованным до перестройки), Я. Ивашкевич, Р. Сабатини, М. Дрюон, Л. Фейхтвангер. Исторические сюжеты были популярны, в частности, среди старшего поколения, молодежь же предпочитала фантастику, детективы и приключения.

Зарубежная фантастика переводилась и издавалась в СССР с 1930-х гг. В 1965 г. издательство «Мир» начало публикацию тематической серии, которая издавалась до 1999 г. Всего в серии было издано 135 книг, включая произведения Р. Брэдбери, А. Азимова, С. Лема, С. Комацу, А. Кларка, К. Саймака, Р. Шекли, Г. Гаррисона и других авторов. В 1965–1973 гг. издательством «Молодая гвардия» также выпускалась серия «Библиотека современной фантастики». Писатели-фантасты, как зарубежные, так и отечественные (А. Р. Беляев, В. А. Обручев, И. А. Ефремов, А. Н. и Б. Н. Стругацкие, А. П. Казанцев, К. Булычев и др.) пользовались стабильной популярностью вне зависимости от идеологической, политической и экономической линии государства. То же можно сказать и об авторах приключенческого жанра. «Библиотека приключений и научной фантастики», книжная серия издательства «Детгиз» (впоследствии «Детская литература»), начатая в 1936 г., объединяла оба направления.

Наиболее «легковесным» традиционно считался детективный жанр, однако начиная с 1960-х гг. детективные произведения издавались достаточно активно, поскольку хорошо продавались. Отечественные авторы создавали «милицейские» и «военные» детективы, не в последнюю очередь в силу их патриотической и «воспитательной» направленности. Зарубежные детективы часто выпускались под «антибуржуазной» маркировкой: ею снабжались книги А. Конан Дойла, Г. Честертона, Ж. Сименона, Г. Грина и даже А. Кристи. Стоит отметить, что подобная оговорка использовалась не только в пропагандистских целях, но и в качестве своеобразной уловки, идеологически обосновывающей издание «несерьезного» жанра. Детектив был исключительно популярен в литературе и кино; создавались даже детективные произведения для детей и подростков: «Очень страшная история» А. Г. Алексина, «Приключения Васи Куролесова» Ю. И. Коваля, «Колобок идет по следу» Э. Н. Успенского и др.[15]

Необычайная популярность жанровой литературы в СССР во многом являла собой ответную реакцию на избыток идеологии. Идеологическая составляющая была неотъемлемым компонентом теле- и радиопрограмм, печатных материалов и уличных плакатов; поэтому увлечение историей, фантастикой и детективами было своего рода эскапизмом, уходом от регламентированной действительности. Идеологические и прочие ограничения побуждали советских граждан искать недостающую информацию в книгах, посвященных тому, чего не хватало в современной им реальности. Можно предположить, что у части взрослых граждан — по шутливому выражению Б. В. Заходера, «особенно у тех, которые поумней» — пользовались популярностью даже некоторые детские книги, в частности изданные «на макулатуру».

Первые «макулатурные» издания появились в 1974 г. За 20 кг сданной государству макулатуры можно было получить талончик, дававший право впоследствии купить том из специальной «макулатурной» серии (за 40 кг — 2 тома и т. д.). До 1985 г. в рамках серии было издано 117 книг [Залкинд et al., 1985, с. 29], публикация продолжалась до начала 1990-х гг. В серии издавались произведения отечественных и зарубежных авторов. Большая часть изданий помечалась специальной маркировкой и содержала текст, подтверждающий принадлежность книги к серии. «Макулатурный» статус некоторых книг, не содержавших маркировки, остается спорным, поэтому ни один из имеющихся в открытом доступе списков не является абсолютно точным.

[15] Все три произведения были экранизированы. О популярности жанра в СССР говорит и существование достаточно редких для советского кинематографа «мультфильмов для взрослых» с детективно-приключенческим сюжетом, в частности «Ограбление по…» и «Шпионские страсти».

Процесс издания книг серии, официально именовавшийся «экспериментом», достаточно регулярно освещался в «Литературной газете» в полемической форме: в дебатах участвовали работники печати, целлюлозно-бумажного производства, журналисты и рядовые читатели. К 1985 г. пункты по приему макулатуры были открыты в 60 городах [Ibid., с. 30]. Онлайн- и офлайн-публикации, посвященные «макулатурному» эксперименту, избегают соблазна называть его первым в истории, однако, по всей видимости, он таковым и был. Некоторые исследователи сдержанно называют его «уникальным» [Lovell, 2000, с. 70].

Книги серии издавались миллионными тиражами. Благодаря этому, в 1970-е гг. *«общая масса художественной литературы увеличилась до 7 млн книг в год, продолжая интенсивно расти (в 1975 г. уже 9 млн)»*[16]. *«Этому способствовало решение госкомитета по печати о массовом пополнении фондов библиотек в стране, для чего был предпринят выпуск специальной серии книг классической литературы»*[17]. Многие произведения серии уже издавались ранее, у ответственных органов имелись данные по предыдущим продажам, поэтому тиражи переизданий были направлены непосредственно на удовлетворение существующего спроса.

«Макулатурные» издания по большей части отвечали вышеприведенным жанровым критериям: это были приключенческие, исторические и биографические произведения, а также популярные детские книги: авторские повести и народные сказки. Научная фантастика и детективы были представлены на удивление скудно: до 1988 г. было выпущено всего несколько книг. Одной из возможных причин этого были предполагаемое отсутствие серьезных исследований рынка читательских предпочтений [Левинсон, 1985, с. 64] либо искусственные ограничения. За некоторыми исключениями, в серии издавали писателей знаменитых и читаемых, но не имевших статуса стопроцентного классика из «высшего» эшелона. Исключительно щедро издавались два французских автора: А. Дюма-отец и М. Дрюон, известные своим положительным отношением к России. Изданы были «12 стульев» и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова (без маркировки) — одни из любимых книг как советских, так и современных российских читателей.

Любопытно, что некоторые исследователи [Pristed, 2019, с. 133] утверждают, что выбор книг для публикации, осуществлявшийся непосредственно Госкомиздатом и Госснабом, не основывался на четких жанровых критериях и включал книги любых жанров и авторов, в частности произведения русских классиков (Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др.), что является фактической ошибкой. В действительности «жанровая» направленность серии означала, что признанные отечественные писатели-реалисты (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, М. Горький, М. А. Шолохов, А. А. Фадеев и т. д.) в ней не издавались, поскольку стояли «над жанром». Авторы подобного калибра заслуженно считались народным достоянием и не могли быть сведены к модному чтиву. Также, за единичными исключениями, не издавались «неблагонадежные» авторы. То же самое касалось и большинства мастеров иностранной литературы всех эпох: Данте, У. Шекспир, Дж. Свифт, И.-В. Гете, Ф. Шиллер, О. Бальзак, И. Вазов, Ч. Диккенс, С. Цвейг, Э. Хемингуэй, У. Фолкнер, Г. Маркес стабильно входили в «дефицитный» канон и мгновенно раскупались, но в серии не были представлены. Некоторые маститые реалисты всё же были в нее включены, однако в большинстве случаев всё равно соблюдались принципы «жанровости» или идеологической выверенности. Стендаль, Г. Флобер, П. Мериме, Г. Манн были представлены историческими романами. Э. М. Ремарк раскрывал тему «потерянного поколения» как пятна на совести буржуазной цивилизации и, кроме того, был очень моден в СССР. Не менее модный Л. Фейхтвангер считался мастером реализма, но работал в основном в историческом жанре. Д. Лондон и Г. Честертон также были реалистами, но с «приключенческим» уклоном (примечательно, что в серии было издано собрание сочинений Д. Лондона в четырех томах, но реалистический роман «Мартин Иден» в него включен не был). Таким образом, собственно реалистические произведения, вышедшие в серии, были весьма немногочисленны: «Страница любви» Э. Золя; несколько романов Т. Драйзера (члена компартии США); два романа любимого англофилами У. С. Моэма; «Эмигранты» А. Н. Толстого (эмигрантская тема вызывала объяснимый интерес у советских граждан, фамилия же Толстого, помимо класси-

[16] Издательское дело в советский период (1917–1991) // Vuzlit.com. URL: https://vuzlit.com/464262/izdatelskoe_delo_sovetskiy_period_1917_1991 (дата обращения 29.07.2024).

[17] Ibid. Книги, издававшиеся в рамках этой акции, имели специальную пометку «библиотечная серия».

ческих реалистических произведений, у массового читателя ассоциировалась с фантастическим и сказочным жанрами), а также И. А. Бунин, М. М. Зощенко (весьма небольшим по сравнению с другими книгами серии тиражом), В. М. Шукшин (без маркировки) и еще два-три автора.

«Макулатурные» книги нередко печатались в «малых» союзных республиках, в отдалении от двух столиц. Таким образом в республиках поддерживалось издательское дело. Приобрести даже «неблагонадежного» автора там было проще, чем в «центре», поскольку на периферии СССР идеологический контроль был слабее, а книги на русском языке предположительно не пользовались большим спросом у местных жителей, поскольку многие из них его не знали. Соответственно, часть книг серии отправлялась в РСФСР, часть реализовывалась по месту издания. Продажа русскоязычных книг в нерусскоязычной среде служила целям пропаганды государственного языка, однако с коммерческой точки зрения была, возможно, нецелесообразна[18]. Интересно также, что, хотя все «макулатурные» книги раскупались в кратчайшие сроки, ни одна из них ни разу не переиздавалась в рамках серии. Далеко не все советские руководители одобряли чересчур массовое распространение развлекательного чтива. Известно, в частности, высказывание министра культуры Е. А. Фурцевой: *«при всех, может быть, нужных, очень важных положениях, там многое приукрашивается. Молодежь начинает многому подражать, легко смотреть на жизнь, не дорожить большим и светлым. В этом деле должен быть установлен строжайший порядок. Мы потеряем какое-то количество миллионов рублей, но мы не можем позволить насаждать в умах, особенно молодежи, ненужные нравы»*[19]. При этом ряд произведений периодически переиздавался вне серии: тиражи таких изданий были на порядок меньше, что соответствовало идеологическим ограничениям и, кроме того, требовало меньших ресурсных затрат.

«Настоящая» классика, не издаваемая «на макулатуру», поступала в свободную продажу, а также издавалась «на подписку»: это были собрания сочинений и разнообразные книжные серии, такие как библиотеки мировой литературы (в частности, с 1967 по 1977 г. издавалась «Библиотека всемирной литературы», насчитывавшая 200 томов), библиотеки литературы отдельных стран и т. д. В подписку включались произведения выдающихся советских и зарубежных авторов, а также писателей не самых актуальных, но идеологически выдержанных (Ф. И. Панферов, Б. Л. Горбатов и т. д.). Произведения русской и советской классики регулярно переиздавались и по совокупному тиражу многократно превосходили «макулатурную» серию.

Подписка на книжные издания оформлялась в почтовых отделениях. Некоторые подписные серии разыгрывались в лотерею. Таким образом, например, распространялась часть тиража 24-томной «Библиотеки фантастики». Первые ее тома вышли в 1986 г., но в результате случившегося через пять лет распада СССР ряд томов, планировавшихся к выпуску, так и не был издан. Пробел восполнялся независимыми коммерческими издательствами 1990-х гг.: они выпускали в рамках «Библиотеки…» произведения, изначально не имевшие к ней отношения. Исторический роман И. А. Ефремова «Таис Афинская», также включенный в серию, имел тираж 5 000 экземпляров (обычный тираж большинства сегодняшних изданий), что сделало его самой редкой книгой из всей «Библиотеки…». Сегодня на онлайн-ресурсах это издание продается по цене от 4 000 до 10 000 рублей.

Огромное значение в плане популяризации произведения играл (и продолжает играть) факт экранизации. «Настоящая» классика в этом смысле всегда стояла особняком. Она была популярна и знаменита, но не модна, так как стояла над модой. В целом она всегда хорошо раскупалась. Экранизаций классики было много, однако они мало что меняли в контексте популярности этой категории книг. В случае классических «жанровых» произведений (таких авторов, как Р. Стивенсон, Т. Майн-Рид, Г. Хаггард, Р. Киплинг, Г. Уэллс, А. Дюма, Ж. Верн, Л. Буссенар и др.), экранизация также не была решающим фактором популярности.

Однако для произведения интересного, «читабельного» и качественного, но не являющегося «настоящей» классикой, факт экранизации значил очень многое. Кинематограф в СССР был высокого качества, и, помимо кино- и телефильмов, были очень популярны советские сериалы, зачастую в художественном плане не уступавшие лучшим односерийным картинам. Романы «Веч-

[18] Некоторые «макулатурные» книги издавались и на языках народов СССР.

[19] Гершзон М. М. После Сталина: какую иностранную литературу издавали в СССР? [// Regnum. 2017. URL: https://regnum.ru/news/cultura/2274401.html (дата обращения 11.04.2024)

ный зов» и «Тени исчезают в полдень» А. С. Иванова или «Цыган» А. В. Калинина, получившие качественные экранизации в виде мини-сериалов, «достать» было крайне трудно, при том, что они даже не полностью соответствовали приведенным выше жанровым критериям. Те же произведения, которые им соответствовали, благодаря экранизациям превращались в объекты массового культа. Всесоюзная популярность советских сериалов и мини-сериалов «Семнадцать мгновений весны», «ТАСС уполномочен заявить», «Адъютант его превосходительства», «Место встречи изменить нельзя», «Приключения Электроника», «Гостья из будущего» или польских «Четыре танкиста и собака» и «Ставка больше, чем жизнь» сводила практически к нулю вероятность обнаружения их литературных первоисточников на книжных прилавках. Обычно подобные книги откладывались ответственными лицами «для себя», а оставшиеся издания раскупались в первые часы продаж.

Исключительно востребованы были некоторые авторы, связанные одновременно с кинематографом и литературой. Произведения В. М. Шукшина в СССР издавали очень активно: одних только доперестроечных изданий насчитывается несколько десятков, включая три собрания сочинений. Самобытный стиль этого автора и невероятная популярность его фильмов, в которых он часто выступал режиссером и исполнителем главных ролей, сделали его книги, несмотря на множество переизданий, одними из самых «дефицитных» в постоттепельную эпоху. В. С. Высоцкого, напротив, издавали крайне неохотно, несмотря на то, что фильмы с его участием были по меньшей мере так же популярны, как фильмы Шукшина: свою роль играли фактор «неблагонадежности» и бунтарский имидж. В 1981 г. в прогрессивном издательстве «Современник» вышел небольшой посмертный сборник, переизданный в следующем году. Оба издания можно купить и сегодня, причем нередко в очень хорошем состоянии: очевидно, что многие покупатели бережно хранили их.

Книги собственно «неблагонадежных» авторов, равно как и диссидентов, были, пожалуй, самой желанной добычей библиофилов; публиковали этих авторов крайне редко и ограниченными тиражами. Министр внутренних дел Н. А. Щёлоков в своей докладной ЦК КПСС отмечал: *«сочинения представителей чуждой советскому народу пустой, безыдейной поэзии Ахматовой и Мандельштама и белогвардейского писателя Булгакова были изданы с таким расчетом, чтобы тиража хватило только для идейно выдержанных клиентов закрытых распределителей»*[20].

«Дефицит качественной литературы подстегивал спекуляции. Многие интеллигенты тратили на книги чуть ли не половину зарплаты. Так, за <...> "Мастера и Маргариту" в начале восьмидесятых просили 35 рублей. За сборник Мандельштама из серии "Библиотека поэта" в центре столицы просили 250 рублей. Двухтомник Цветаевой оценивался в 50 рублей»[21]. По неподтвержденным легендам, оставшимся с того времени, определенное количество книг из двух самых «котирующихся» категорий можно было обменять на подержанный автомобиль.

В начале 1980-х в СССР появился книгообмен — предшественник современного «буккроссинга». Эта официальная инициатива государственных книжных магазинов позволяла книголюбам получить нужное им издание в процессе «бартера». В магазинах книги «на обмен» располагались на отдельных полках: чем выше полка, тем «дефицитнее» издание. На самых верхних полках выставлялись популярные жанровые произведения, обзаведшиеся экранизацией (например, книги Ю. С. Семенова, К. Булычева или А. А. и Г. А. Вайнеров) и — крайне редко — диссиденты и «неблагонадежные». Распределение книг по категориям востребованности производилось самими сотрудниками магазинов; для того, чтобы не ошибиться с категорией, требовался определенный опыт. Граждане могли обменять принадлежащую им книгу на нужное издание при условии его наличия в магазине и соответствия категорий или же оставляли ее в магазине вместе со списком книг, которые хотелось получить в обмен. За услуги обмена книжные магазины взимали комиссию. Официальная комиссия составляла в среднем 20 % от стоимости книги; помимо нее, существовала неофициальная комиссия, которая зависела от условий конкретной сделки.

Отдельного внимания заслуживает уже упо-

[20] Жирнов Е. Записки из-под полы // Журнал «Коммерсантъ Власть». 24.01.2005. URL: https://www.kommersant.ru/doc/540986 (дата обращения 14.05.2024)

[21] Охота за книгами в СССР: как это было // New Retail. 26.06.2015. URL: https://new-retail.ru/magaziny/istoriya/okhota_za_knigami_v_sssr_kak_eto_bylo1237/ (дата обращения: 26.06.2024). По другим данным, упомянутый сборник Мандельштама продавали за 50 руб., поэтому по приведенной ссылке возможна ошибка. Проверить точность данной информации не представляется возможным.

минавшийся тиражный вопрос. По мнению Т. Н. Симагиной [Симагина, 1994, с. 7–8], в середине 1970-х гг. существовали четыре тиражных подхода: идеологический, ресурсных возможностей, формирования потребления книжной продукции и социально-демографический. Тиражи книг и количество переизданий значительно разнились в зависимости от указанного подхода (например, роман Достоевского «Бесы» в 1957–1988 гг. издавался только в составе собраний сочинений писателя), но в любом случае многократно превосходили таковые в постсоветскую эпоху. Худлит, как и нон-фикшн, издавался тиражом от нескольких десятков тысяч до миллионов экземпляров. Двухтомник М. Ю. Лермонтова 1988 г. издания вышел беспрецедентным даже для советского книгоиздания тиражом в 14 000 000 экземпляров. При этом спрос на актуальные книги всё равно заметно превышал предложение, что регулярно выливалось для государства в классические случаи упущенной прибыли. В случае сравнительно небольших тиражей такая политика выглядела как создание искусственного дефицита, чем она, конечно, не была. Помимо идеологических причин подобного явления (см. выше высказывание Е. А. Фурцевой) были причины собственно экономические. Организация сбора макулатуры диктовалась обоснованными соображениями экономии и экологии, а также повышенным спросом на книги; в то же время она упиралась в нехватку специализированных производственных мощностей и, соответственно, в невозможность быстро удовлетворить читательский голод. Многие книги, особенно региональных издательств, печатались на бумаге низкого качества. При этом огромное количество целлюлозы уходило на пропагандистские публикации, не пользовавшиеся спросом. Увеличить книжные тиражи не позволяло также большое количество периодики (см. раздел «Литературные журналы»). Далее, отсутствие реальной конкуренции приводило к недобросовестному мониторингу продаж: тираж мог быть уже распродан, но из-за несогласованности между инстанциями информация доходила до ответственных органов с опозданием, вследствие чего типографии не спешили с переизданиями. Несогласованность приводила и к обратному явлению: одновременной публикации несколькими издательствами одной и той же книги. Одним из главных триггеров дефицита были относительно низкие цены, доступные практически для всех слоев населения. В этом контексте дефицит книг можно рассматривать как чисто экономическое явление, вызванное исключительно действием законов спроса и предложения; его можно было бы частично или полностью элиминировать, значительно повысив цены (что и произошло после распада СССР). Наконец, большинство издательств дотировалось государством, что в теории сводило на нет потребность в реальной конкуренции и коммерческой инициативе.

Популярность книг в СССР имела две ипостаси. С одной стороны, в библиотеках за «дефицитными» изданиями выстраивались многомесячные очереди; с другой стороны, в миллионах советских квартир желанные редкие издания стояли нетронутыми на полках. Одно из объяснений этого явления кроется, конечно, в психологии потребителя: «интересные» и полузапретные книги читали, «неинтересные» — ставили в шкаф. По сей день в интернет-магазинах легко найти опубликованные в СССР книги «в идеальном состоянии». Подобные артефакты, добытые с определенным трудом, берегли как показатель «культурности», достатка и даже как элемент интерьера или же обменивали на иные дефицитные продукты или нужные услуги. За «дефицитом» охотились даже те, кто вообще не открывал книг: для этой категории граждан, покупавших книги в двух и более экземплярах, главное значение имела их высокая меновая ценность. В этой связи некоторые авторы приравнивают библиофильство в СССР к «культуре потребления» [Lovell, 2000, с. 74]. В целом библиофильство было более характерно для жителей крупных городов РСФСР, нежели для небольших населенных пунктов, отдаленных от «центра». Однако в силу отсутствия точных данных по региональным продажам данный параметр сегодня можно оценивать лишь по субъективным свидетельствам книголюбов, специально отправлявшихся на «периферию», чтобы приобрести дефицитное издание.

Книги из топ-категорий приобретались чаще всего либо «по знакомству», либо у перекупщиков. Доперестроечные перекупщики действовали по большей части неофициально. В 1987 г., в рамках постепенного устранения идеологических ограничений, государственные издательства получили право самостоятельно планировать выпуск литературы[22], в результате чего зна-

[22] Издательское дело в советский период (1917–1991) // Vuzlit.com. URL: https://vuzlit.com/464262/izdatelskoe_delo_sovetskiy_period_1917_1991 (дата обращения 02.01.2025).

чительно расширился список переводимых и издаваемых авторов. Массовая продажа популярных книг с лотков стала повсеместной. Как до, так и во время перестройки «дефицитные» книги сбывались по ценам, многократно превышавшим государственные. В 1991 г. все государственные цены были отменены. В условиях начавшегося экономического кризиса спрос на подорожавшую книжную продукцию, не являющуюся товаром первой необходимости, существенно снизился, и, возможно, как следствие этого, значительно упали тиражи, однако в целом книги были попрежнему востребованы. Рост крупного бизнеса привел к тому, что лоточников стали вытеснять коммерческие книжные магазины, ассортимент которых быстро рос, и к середине 1990-х. гг. лотки перестали быть актуальными и постепенно исчезли, оставшись лишь как точечное явление. Книжный дефицит стал достоянием советской истории[23].

Литературные журналы

Для миллионов советских граждан, которые действительно читали худлит, существовали «толстые» литературные журналы. Одни журналы были подписными, другие продавались в розницу. Многие из подобных журналов, особенно популярных в оттепель и перестройку, продолжают публиковаться и сегодня, однако большая их часть утратила свою актуальность и выходит малыми тиражами. Ряд журналов этой группы сохраняют либеральную направленность.

Традиция литературных журналов в России восходит к середине XVIII в., когда впервые стали официально публиковаться полноценные «частные» журналы, состоящие целиком из художественных произведений. После 1917 г. многие журналы были вынуждены закрыться, однако уже в 1920-х гг. появился ряд новых, советских изданий. Среди них можно выделить «Молодую гвардию», «Октябрь», «Звезду», «Новый мир», «Знамя», «Роман-газету». В оттепель советские литературные журналы пережили второй всплеск популярности, появилось много новой периодики: «Иностранная литература», «Нева», «Москва», «Наш современник» и др. В «Иностранной литературе» были впервые опубликованы произведения У. Фолкнера, Г. Маркеса, Д. Сэлинджера, Х. Ли, У. Голдинга и даже С. Кинга (роман «Мертвая зона», выпуски 1–4 за 1984 г.). Журнал «Москва» впервые опубликовал с купюрами «Мастера и Маргариту» М. А. Булгакова (1966–1967). Большой популярностью пользовались альманахи — литературные журналы «жанровой» направленности, такие как «Искатель», публиковавший фантастику и приключения, а также молодежные издания: «Смена», «Юность» и другие.

Журналы не имели «книжного» флера. Они не были модными показателями достатка и не предназначались для украшения книжных полок; их главная задача заключалась в донесении до читателя актуальных произведений. Можно с большой долей уверенности утверждать, что именно ЛЖ, а не книги подтверждают тезис об СССР как о самой читающей стране. Журналы весьма ценились читателями: многие владельцы собирали все части произведения в одном томе и переплетали, чтобы обеспечить ему лучшую сохранность. Наиболее популярным литературным журналом оттепельного периода, возможно, был «Новый мир», впервые напечатавший А. И. Солженицына; его редакторами в разное время были А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский (был уволен с этого поста в 1954 г. и вернулся на него в 1958 г.). При Хрущеве в «Новом мире» публиковались, помимо прочего, произведения либерального (для того времени) толка, которые следовали веянию времени, критически анализируя предшествующую эпоху. После смещения Хрущева произошла ротация членов редколлегии журнала, вследствие чего тематика публикаций заметно смягчилась. Новую жизнь издание получило в эпоху перестройки, начав печатать ранее запрещенные произведения отечественных и зарубежных авторов, что немедленно подстегнуло его популярность: ежемесячный тираж некоторых номеров за 1990 г. превышал 2 500 000 экземпляров. Примеру «Нового мира» последо-

[23] При этом и сегодня далеко не все желаемые книги можно приобрести в магазинах. Многих авторов в России не переиздавали со времен распада СССР, и соответствующие тексты доступны лишь на онлайн-ресурсах. Например, последнее издание романа грузинского писателя Ч. И. Амирэджиби «Дата Туташхиа», крайне популярного в Советском Союзе, датируется 1993 г. Знаменитого турецкого сатирика А. Несина не публиковали в России с 1998 г. (предпоследнее издание вышло в 1985 г.). Трилогия «Повелители мечей» М. Муркока, в 1990-е гг. одного из самых популярных в России авторов жанра «фэнтези», не переиздавалась 12 лет. Многие произведения, изданные на русском языке в бывших советских республиках (например, в ереванском издательстве «Советакан Грох»), купить сегодня вообще не представляется возможным. По всей видимости, подобная издательская политика диктуется коммерческими соображениями.

вало «Знамя», до этого специализировавшееся на военной тематике: журнал начал публиковать произведения писателей-диссидентов, эмигрантов и т. д. (хотя и до перестройки он периодически печатал «неблагонадежных» авторов). Совокупный тираж ЛЖ «Роман-газета» за все годы существования составил 1,3 млрд экземпляров. Главный редактор издания В. Н. Ганичев в 1986 г. проводил опросы читательских предпочтений, в результате чего количество подписчиков в 1988 г. выросло до 3,5 млн [Lovell, с. 93]. «Роман-газета» отличалась весьма низкой даже по сравнению с книгами ценой, что делало ее доступной альтернативой последним.

Нельзя не упомянуть детские журналы. Подобные издания, как и детская литература в целом, были исключительно популярны, поэтому их тиражи и сегодня остаются относительно высокими, многократно превосходя тиражи «взрослых» либеральных ЛЖ. Журнал «Мурзилка», основанный в 1924 г. и издающийся по сей день, в 2011 г. был включен в «Книгу рекордов Гиннесса» как самый старый из существующих детских журналов. Оттепельный журнал «Веселые картинки» (год основания: 1956), как и «Мурзилка», задействовал лучших детских писателей и поэтов; в его оформлении участвовали художники-нонконформисты, среди которых были И. И. Кабаков и В. Д. Пивоваров. Для подростков издавались журналы «Пионер», «Костер» и ряд других. Детские журналы в своем большинстве были подписными.

В период «книжного дефицита» литературные журналы по вполне объяснимым причинам были крайне востребованы; востребованность естественным образом снижалась по мере исчезновения дефицита. Кроме того, либеральные идеи в России уже к концу прошлого столетия стали терять свою привлекательность вследствие перемен в мышлении, спровоцированных экономическими, политическими и идеологическими эксцессами 1990-х гг. Ежемесячный тираж «Знамени» снизился с миллиона экземпляров в 1990 г. до 1 300 экземпляров в 2018 г. Тираж «Нового мира» упал уже в 1990-е; текущий тираж составляет менее 2 000 экземпляров. Подобная судьба постигла и другие долгоиграющие публикации, включая и те, которые не имели четкой идеологической направленности. Свою роль в этом процессе, очевидно, играет и развитие телекоммуникаций: многие читатели сегодня отдают предпочтение не бумажным, а более дешевым электронным изданиям.

Список литературы

1. Залкинд Л. С., Царев И. В., Щербаков В. Г. Заготовка вторичного сырья предприятиями системы ГОССНАБА СССР : учеб. пособие. М., 1985.

2. Левинсон А. Г. Макулатура и книги: анализ спроса и предложения в одной из сфер современной книготорговли // Чтение: проблемы и разработки. М., 1985. С. 63–88.

3. Матвеев Е. В. Всесоюзное добровольное общество любителей книги как позднесоветская массовая организация 1970–1980-х годов // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 85–98. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/20-zhurnal-magistra-vitae-1-2018.html

4. Симагина Т. Н. Издательская политика в последний период истории СССР (70-е — 80-е годы) : автореф. ... канд. филол. наук. М., 1994.

5. Birgitte Beck Pristed. Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974–91 // The Russian Review 78(1). Pp. 122–140.

6. Stephen Lovell. The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras (Studies in Russia and East Europe). New York : St. Martin's, in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London. 2000.

References

1. Zalkind LS, Tsaryov IV, Shcherbakov VG. Zagotovka Vtorichnogo Syrya Predpriyatiyami Sistemy Gossnaba SSSR = Reclamation of Secondary Raw Materials by the Enterprises of the State Logistics Committee of the USSR. Moscow; 1985. (In Russ.).

2. Levinson AG. Waste Paper and Books: Demand and Supply Analysis in One of the Spheres of Contemporary Book Trade. Chtenie: Problemy i Razrabotki = Reading: Problems and Developments. Moscow; 1985. Pp. 63–88. (In Russ.).

3. Matveev EV. All-Union Voluntary Society of Bibliophiles as a Late Soviet Mass Organization of the

1970s-1980s = Vsesoyuznoye Dobrovolnoye Obshchestvo Lyubitelei Knigi kak Pozdnesovetskaya Massovaya Organizatsiya 1970–1980kh godov. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology.* 2018;(1):85-98. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/20-zhurnal-magistra-vitae-1–2018.html (In Russ.).

4. Simaghina TN. Izdatelskaya Politika v Posledniy Period Istorii SSSR (70-e — 80-e Gody). = The Publishing Policy during the Last Period of Soviet History (the 1970s and the 1980s). Abstract. Moscow; 1994. (In Russ.).

5. Pristed BB. Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974-91. *The Russian Review.* 2019;78(1):122-140.

6. Lovell S. The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras (Studies in Russia and East Europe). New York: St. Martin's, in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London. 2000.

Информация об авторе

В. В. Касьянов — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка как второго иностранного переводческого факультета.

Information about the author

V. V. Kasianov — Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Chair of English as a Second Foreign Language.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.